

ЭТАТИСТСКИЙ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ) НАЦИОНАЛИЗМ КАК ТИП ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА НА ВОСТОКЕ

Аннотация. Специфика политического лидерства на Востоке в XX веке тесно связана с проблемой колониализма и его наследия, которая воздействовала на политическую культуру восточных социумов. И это один из аспектов проблемы. Синтезированный социум, комбинированное общество, возникшее на Востоке в ходе и в результате колониализма, добившись независимости, поставило перед новыми политическими лидерами задачу легитимизации их властных полномочий. Именно способы, типы легитимизации, могут быть, по мнению автора, положены в основу классификации политических лидеров на Востоке, в целом, и в мусульманском мире, в частности.

Ключевые слова: легитимизация, лидерство, Восток, этатизм, колониализм.

© **S. Voronin**

STATE NATIONALISM AS A KIND OF LEGITIMIZATION OF POLITICAL LEADERSHIP IN THE EAST

Abstract. Specific character of political leadership in the East in the 20-th century is closely related to the problem of colonialism and its legacy that had an influence on the political culture of oriental societies. That is one aspect of the problem. Synthesized and combined society that arose in the East in the course and as a result of colonialism, having obtained its independence, set new political leaders a problem of legitimization of their powers of authority. Exactly the means, the types of legitimization could be the basis of the classification of the political leaders in the East in whole and in Moslem region particularly in the author's opinion.

Key words: legitimization, leadership, the East, statism, colonialism.

Исследование природы политического лидерства на Востоке и его типологизацию не стоит сводить к изучению видов политических режимов и типов соответствующих им политических лидеров. Структурируя политические режимы на три классических типа: авторитарный, тоталитарный и демократический, следует помнить, что «в чистом виде» они отсутствуют в природе политической жизни и что последний из них (демократический) пока и в обозримом будущем не представлен на Востоке в качестве устойчивой и функционирующей модели. Здесь мы говорим именно о сущности политического режима, опирающегося на традиции и политическую культуру социума, а не о политическом «еврофасаде» квазидемократического толка, время от времени возникающем в архитектуре ряда политических систем Востока. Власть на Востоке в XX веке носила и носит авторитарный характер [5, 6]. При этом особо хотелось бы отметить необходимость отказа от оценок ряда западных исследователей, апологетически защищающих и проповедующих ценности демократии – как единственно возможной политической системы организации социума. Подразделяя политические режимы на три вида, следует учитывать, что «в политическом режиме название не более чем символ, – как подчёркивает Н.Э. Севортьян, – суть же заключена в типе генезиса (естественный или искусственный) и

органичности его живой ткани обществу – его потребностям, уровню зрелости, возрасту, традициям, социально-психологическим сдвигам, предубеждениям, ожиданиям, упованиям» [13, 218].

Таким образом, опираясь на подобную систему координат, мы получаем многозначную неопределённость общих дефиниций. Перед нами рисуется картина авторитарного Востока и осознание того, что название режима лишь символ, а самоидентификация намного сложнее. Значит необходимо снятие идеологических смысловых нагрузок и более сложное, многомерное, многослойное подразделение восточного политического лидерства. При рассмотрении этого феномена необходимо избегать стандартизации причин при изучении современной политической истории Востока. Л.Б. Алаев видел методический порок в использовании общих экономических и социологических категорий «безотносительно к изучаемой ... реальности и в небрежении ею» [1]. А видный учёный – востоковед В.Ф. Ли отмечал некорректность сведения социального содержания политического процесса к ключевым знаменателям, как то харизматическое лидерство, архаичное сознание, нефтедоллары [11, 13].

Обретение независимости бывшими колониями и полуколониями выдвигало на первый план задачу нациестроительства. Катализатором и направляющей силой этого процесса на Востоке выступало государство.

Для социокультурной и политико-экономической жизни во всемирной истории до начала нового времени был характерен полицентризм. Империи представляли собой конгломераты политических образований в рамках общего географического пространства. Государства строились на примате религиозного мировоззрения, тотальной власти государства над всеми сферами социально-экономического и культурного бытия социума. Социокультурная действительность была неизменной, обладала константой ценностных доминант. Интеграция между государствами до периода новой истории носила фрагментарно-латентный характер. Экономический и культурный обмен происходил лишь в торговых центрах. В целом, до конца XVIII в. наблюдалась локально-спорадическая картина политической жизни мира.

Великие географические открытия значительно расширили уровень международных контактов, явились первым шагом к мировой интеграции и глобализации мира за счет эксплуатации ресурсов стран Востока. Различия в путях развития и становления капитализма выразились и в различных путях формирования национальных особенностей и национальных государств. На Западе переход от нации к нации-государству произошел естественным путем. На Востоке государство-нация стало результатом целенаправленной деятельности политических лидеров. На Западе национальное государство возникло, на Востоке было создано, искусственно сформировано.

В доколониальный период на Востоке функционировала устойчивая система регуляции взаимоотношений власти и граждан, коллектива и индивида, межличностных контактов и взаимоотношений. Колониальная политика, с одной стороны, разрушила традиции и ценностные установки восточного социума, а с другой, осуществила консервацию самых архаичных методов и форм регуляции, привнося извне в традиционные общества капиталистические взаимоотношения. Колониализм нанес удар по индивидуальному и массовому сознанию, выдавив индивида из комфортного социального окружения семьи, рода, племени.

Новации метрополии вызывали резкое отторжение в колониях. В конце XIX в. возникают политические движения, нацеленные на борьбу за независимость и создание национальных государств.

Анализируя процесс формирования «государства-нации» на Востоке, как типа легитимизации политического лидерства, следует различать понятия «этническое» и «национальное». Этнос – естественный способ групповой организации населения, первичная форма

воспроизводства общности людей, на основе общей почвы и крови. Совокупность культурных, географических, социальных, антропологических и хозяйственных факторов [6, 333-334]. Доминантой этнического сознания выступает биологическая сторона, выражающаяся в чистоте происхождения «своего», соплеменника. С.В. Лурье видит в этнической культуре источник ценностей витального значения. Не чувствуя этнической идентичности, индивид испытывает ощущение незащищенности и потери самоидентификации [12, 127]. Деление традиционного сознания на «мы» и «они», «свои» и «чужие» синтезировано с интегративностью и витальностью этнического сознания и культуры. С целью идентифицировать общность, отличить ее от других, за основу берется один из признаков (язык, конфессия и т. д.). Это естественно-этнические признаки. Их синтез с искусственными признаками (социально-политические доктрины и т. п.) формируют, по мнению Б.С. Ерасова, суперэтнизм как властное самоутверждение прав этноса на территорию на основе этнодифференцирующих признаков и исторической памяти [7, 338].

Суперэтнизм близок по содержанию к понятию этничности, которую, по мнению И.Д. Звягельской, можно определить как форму социальной организации культурных различий. Этническая идентичность – разделяемые членами этнической группы общие представления социокультурной традиции, месте происхождения, формирующиеся в процессе взаимодействия с другими народами [9, 33].

История этносов не является историей в форме кумулятивного накопления времени, а представляет собой лишь смену одних временных и событийных этапов другими. Это чередование количественных характеристик не порождает нового качества, формирует ощущение бессмысленности бытия, возникает негативизм в сознании этноса по поводу своей экзистенции. Таким образом этнос и подходит к новому этапу, где период смены событий заканчивается и начинается собственно история. Порогом, отделяющим этап «джахилии» (анархии, междоусобиц), то есть период чередования событий, у арабов стало появление пророка Мухаммеда в VII в. и принятие ислама. Период вражды арабских племен сменился историей арабов.

Формирование нации не исключает и не уничтожает этничность, которая остается одним из значимых компонентов национального чувства. Нация – образование высшего порядка по отношению к этничности, она вбирает ее в себя, создавая более высокую коммуникативную плотность. Основными компонентами нации выступают государство, хозяйственная деятельность и культура [7, 339]. Нация, как образование более высокого порядка, ассимилирует совокупность этнических образований. По мнению Б.С. Ерасова, происходит снятие генетической иерархии старых отношений в пользу новой социально-стратификационной дифференциации. Различия этнических единиц нивелируются в пользу новой общности – нации [7, 342]. Излишняя этническая гетерогенность социума приводит к эффекту выдавливания или поражения в правах некоторых этнических единиц. Иллюстрацией может послужить индо-мусульманский конфликт, возникший в ходе раздела колониальных владений Британской Индии.

Нация выступает в хронологическом плане как более поздняя и в организационном – как более высокая форма регуляции социокультурных отношений, присущих индустриальным обществам с развитым разделением труда [7, 342]. Национальная идентификация является следствием взаимодействия различных социальных компонентов. С возникновением нации этнические признаки становятся второстепенными.

Основы национализма – это социально-политические доктрины, формирование единой «Большой» культурной традиции. Все эти факторы ведут к интеграции общества, формируя ценностные доминанты, допускающие единство в многообразии [7, 343]. При этом этничность и национализм объединяют подразделение мира на «мы» и «они», на «своих» и «чужих».

Сформировались три подхода к изучению национализма как социально-политического феномена. Б.С. Ерасов в фундаментальной монографии «Цивилизации. Универсалии и самобытность» анализирует и дает оценку сложившимся концепциям в изучении национализма, выделяя формалистический, релятивистский и культурно-коммуникативный подходы [7, 344-347].

1. Формалистическая концепция базируется на естественном характере национальных общностей, на самоутверждении этноса (или этнических групп), имеющего общий язык, исторический опыт, верования, устойчивые поведенческие нормы, обладающие экономической и географической общностью. При этом все перечисленные характеристики носят условный характер. Яркой иллюстрацией таких условностей являются арабы. Диалектические различия разговорного арабского языка приводят к отсутствию коммуникации у арабов из разных стран. Араб-египтянин не понимает араба-марроканца. Даже литературный арабский язык не является единым (Ирак, Йемен, Египет и т. д.). В конфессиональном плане не все арабы-мусульмане, а, в свою очередь, многие исповедующие ислам – не арабы. Историческое прошлое арабских стран весьма различно. Несмотря на апологетику арабизма и ненависти к периоду джахилии, понятие «арабская нация» носит условно-теоретический характер. Это и привело к формированию государственных видов национализма (египетского, ливийского и т. д.). Панарабизм доказал свою историческую несостоятельность. Концепция арабского единства используется сегодня лишь как возможность противопоставить «своих» (арабов) «чужим» (неарабскому миру и Израилю).

2. Релятивистский подход основан на осознании идентичности этноса или нации по отношению к внешнему миру. Нация формируется как результат самосознания и стремления к единству. Общие признаки создаются в процессе нациестроительства.

3. Культурно-коммуникативная концепция основана на выявлении значимых факторов коммуникационного единства.

Обретение независимости на Востоке в XX в. не устранило задержки в развитии, вызванной колониализмом. Деятельность политических лидеров, направленная на нациестроительство, была нацелена, но не устранила «комбинированное общество», основными характеристиками которого является:

1. Типологическая разнородность и слабая интегрированность компонентов его структуры;

2. Взаимосвязь компонентов обеспечивается:

– внешними, по отношению к ним, силами;

– территориально-географическими факторами;

– социальными связями, разрыв которых не затронул бы сущности компонентов (сосуществование автономных укладов: традиционный, местный уклад и колониальный, иностранный).

Эти связи могут вступать во взаимодействие, а могут существовать автономно. Один не влияет на другой.

После достижения независимости вектор борьбы против колониального политического насилия сменяется вектором, направленным на консолидацию вокруг национального лидера. Как отмечает Н.А. Симония: «Эта сплоченность может действовать еще некоторое время после достижения независимости, но отнюдь не беспредельно. Центробежные тенденции, имеющие своими истоками разнородность... компонентов комбинированного общества, оживают с первыми шагами по пути независимого развития и побуждают национальные правительства задумываться над разработкой стратегии национально-государственной интеграции» [15, 267–268].

Национально-государственная интеграция тесно связана с проблемой легитимизации лидеров. Политические лидеры на Востоке в XX в. пытались решать эту пробле-

му как силой харизматического авторитета, так и при опоре на социально-политические доктрины, с помощью законодательных инициатив. Зачастую национальная интеграция носила декларативный характер. Национальным лидерам необходимо было осознавать невозможность резкого перехода от комбинированного социума к нации, без переходного этапа синтезированного общества. Основной задачей синтезированного социума, в соответствии с концепцией Л.И. Рейснера и Н.А. Симонии, являлась структурная перегруппировка и модификация его неоднородных компонентов таким образом, чтобы бывшие несущественные связи трансформировались в существенные. «В самом общем плане эта задача синтеза на Востоке обществ, эволюционирующих по капиталистическому пути, имела некоторые черты, сходные с европейской модернизацией» [15, 268]. В ряде европейских стран также наблюдалось несоответствие декларированного политической властью общества и реального. На Востоке создание национальных государств требовало значительной централизации власти, поскольку формирование «государства-нации» происходило сверху, в ходе достижения независимости. Либо в результате национально-освободительных движений, либо в результате переговорного процесса политической элиты бывших колоний и метрополий (провозглашение независимости Ливии в 1952 г. во главе с Идрисом I в результате дипломатических переговоров) [4, 115].

Строительство устойчивой политической модели осуществляется при условии выполнения политическим лидером формулы взаимоотношений власти (патрона) и социума (клиента). Лидер должен уравновесить разнородные элементы с целью нахождения компромисса в комбинированном обществе.

По мнению Н.А. Симонии, социальная структура стран Востока во 2-ой половине XX в. – это существование двух типов традиционного: результата колониального синтеза и архаичного, то есть доколониального, традиционного.

1. Колониальный синтез полностью выстроен на социально-экономической системе, привнесенной метрополией. С формированием национального экономического уклада продукт колониального синтеза перестал быть современным и оказался противопоставлен новой национальной экономике.

2. Архаичный тип представлен социальными структурами, ставшими традиционными с момента возникновения колониального синтеза и в связи с этим сохранившимися как реликты традиционного, вплоть до обретения независимости. Их сохранение связано с тем, что метрополии либо не смогли, либо не захотели «перемолоть» все традиционные уклады [15, 272-273].

Основной задачей, решаемой политическими лидерами Востока во 2-й половине XX в., стало микширование результатов, полученных в ходе колониального синтеза и архаичных традиционных укладов. Виды их преломления в современных национальных государствах Востока носили характер видоизменения и интеграции продукта колониального синтеза в национальную экономику и «обволакивания» [15, 273] архаичных укладов, с целью их модернизации. Все эти функции на Востоке, учитывая роль и природу государства, взяли на себя политические лидеры и государственные институты.

Этатизм выполняет преобразовательную и созидательную роль. Государство на Востоке – эффективный инструмент для преодоления центробежных тенденций. Политические лидеры должны решать всю совокупность проблем, возникающих в процессе нациестроительства и на последующих этапах, от политики до экономики. Необходимо соблюдать «золотую середину», без перекосов в сторону идеологических доктрин и лозунгов. Вопрос устойчивой национально-государственной интеграции решается тогда, когда лидер учитывает весь комплекс социально-экономических аспектов бытия социума. Относительно сбалансированным решением проблем в политике и экономике является ливийская модель развития М. Каддафи. В рамках индонезийской модели в период

Сукарно произошел явный перекоп в сторону массовой политизации при игнорировании социально-экономической стороны развития. Поэтому, в целом, его деятельность была малоэффективна. Перенос приоритетов развития на экономику при Сухарто привнес иную положительную динамику в развитие индонезийского общества.

Пытаясь понять природу национализма на Востоке как социально-политического явления, являющегося средством легитимизации политических лидеров, напомним, что на Востоке создание национальных государств носило характер инициативы, направленной сверху вниз, от государства к нации. Это был политический инструмент для консолидации компонентов комбинированного общества с их дальнейшей интеграцией в нацию. В этом смысле процесс нациестроительства носил искусственный характер, в отличие от Запада, где создание нации-государства происходило естественным путем. Повторение этого тезиса было необходимо в связи с тем, что в национализме на Востоке, в специфике его природы и причин возникновения, видят, с одной стороны, политический плагиат Запада, перемещенный на Восток представителями истеблишмента, воспитанного и получившего образование на Западе, которые стремятся к захвату политической инициативы; с другой – в национализме видят синергетический эффект самоидентификации в ответ на колониальный период. Р.А. Ульяновский отмечал: «Вариации национализма многообразны и политический спектр его широк. Его метаморфозы порой неожиданны. Прогрессивность его на одном этапе сменяется консерватизмом и реакционностью на другом, эволюция национализма крайне противоречива, а диапазон противоречий необычайно широк – от национализма патриархально-родовых племен, ведущих вооруженную борьбу с колонизаторами, до национал-реформизма, склонного к соглашательству...» [14, 137].

З.И. Левин, отмечая многослойность и противоречивость субъекта националистического движения и сознания, выделяет типы национализма:

1. Субнациональный: племенной, этнический, этнический, коммуналистский.
2. Собственно национальный.
3. Наднациональный: панарабизм, панафриканизм и т. д.

Уровни этих движений направлены на разные принципы социальной интеграции и виды лояльностей [10, 42-45].

На формирование и влияние типов национализма оказывают воздействие как внутренние, так и внешние факторы. На примере панарабизма просматривается амплитуда колебаний маятника, вся подъемно-откатная волна этого типа национализма. Развитие парадигмы панарабизма прошло путь от успеха антитурецкого восстания арабов до угасания идеи, которая вновь возродилась и обрела второе дыхание в период Тройственной агрессии, после чего вновь стала аморфной до следующего витка конфронтации с миром неарабов.

Вопросы национально-политической интеграции тесно связаны с противоречиями этнического и экономического характера. Освободительные движения, которые явились прологом к образованию «государств-наций», базировались на принципах солидаризма, поскольку конечная цель была очевидной – достижение независимости и борьба с колонизаторами. Солидаризм порождал осознание единства на субнациональном, национальном и наднациональном уровнях.

Характерен синтез компонентов комбинированного общества, воплощенный в принципе НАСАКОМа идеологии Сукарно, который стал синтезом национального, конфессионального и доктринального единства. Национализм выступал инструментом борьбы, механизмом самоидентификации, ислам воплощал идеалы справедливости, марксистская доктрина являлась рационалистической идеологией, которая представляла ключ к решению проблем социально-экономического характера. Доминантой этого синтеза выступал национализм, впитавший марксистскую революционность [2, 205-208].

Учитывая центростремительные тенденции компонентов комбинированного общества, государства-нации, достигшие независимости, подходили к новому этапу развития, когда интегрирующая роль сотрудничества и объединения всех угнетенных против угнетателей переставала быть актуальной.

Лидеры и социум оказывались в ситуации, когда политическая концентрация опережала экономическую. Порой экономические условия для интеграции и вовсе отсутствовали. Государственный национализм и политические лидеры, создававшие его архитектуру, порой игнорировали сформировавшиеся за длительный период хозяйственные связи и контакты, приводили к территориальной дискретности этнических групп. Основной задачей была национальная консолидация и интеграция. Когда она выполнялась, как правило, возникал приоритет экономических связей в национальном сознании. Но концепция интеграции по хозяйственному признаку входила в конфликт с концепцией интеграции на основе религии и культуры, на политической основе. Так, в арабском мире и по сей день не утихает дискуссия о соотношении «кауумийя» (народ как «сообщество сердец и душ») и «ватанийя» (отечество как единство территории). Каумийя – идеология панарабизма, а ватанийя – арабского национализма [21].

Основными доминантами политических систем Востока во 2-й половине XX в. стали этатизм и авторитаризм. Государство и лидер выступали главными силами в интеграции разрозненных в культурно-этническом и хозяйственном аспектах социальных образований. Содержанием понятия «государство-нация» является ощущение идентификации данного социума с конкретным политическим образованием. Со стороны государства – это осуществление политики, нацеленной на создание и укрепление государственности, сформированной в рамках территориальных границ, направленной на устранение племенной, этнической и конфессиональной автаркии и сепаратизма, как препона для национальной и социально-экономической интеграции [16, 115].

На Востоке, как правило, конфигурация «государство-нация» (государственного национализма) персонифицирована в фигуре политического лидера, являющегося воплощением концентрации власти в государстве. Лидер и государство формируют суперэтническую общность, которая уравнивает и создает баланс между этносами, в нее входящими.

Как уже отмечалось, «этническое» и «национальное» является характеристиками разного порядка. Этническое – это ступень на пути к национальному, дополненная общностью территории, среды обитания, языка, религии, специфики менталитета, традиций. Однако совокупность этих признаков не приводит к созданию нации.

Влияние этнической составляющей на формирование нации относительно. М.С. Лазарев отмечает, что характеристики этноса включают несколько признаков, из которых сложно выявить основополагающий, определяющий. Это делает характеристики условными, и конституирующую роль приобретает специфика социально-исторического и политического развития общества [9, 33]. Историческое развитие арабского мира показывает, что даже относительная этническая однородность не формирует единой общности. Многие государственные образования на Востоке носят полиэтнический и поликонфессиональный характер, создавая преграды к национальной интеграции. Это служит источником постоянного напряжения и дестабилизации. Помимо этнических, существуют локальные образования и движения. Это социальные группы, интегрированные сами по себе, вне этносов и нации.

Приверженцы национальной и наднациональной интеграции считают этничность и локализм реликтами прошлого, отрицая их роль в современном мире. Апологеты панарабизма называют чувство территориальной принадлежности (у этноса, нации) «пережитком животного начала» [17, р. 227].

Столь же относительный признак – общность территории, – в силу миграционных процессов, особенно у кочевников. Учитывая кочевой образ жизни, у арабов трудно увидеть совпадение экологического и географического ареалов с этническим.

Средством консолидации нации и ее специфической характеристикой является язык. Но и его роль в формировании нации неоднозначна. Высокая степень языковой гетерогенности не препятствует созданию государства-нации (Индонезия, Индия), а наличие языковой гомогенности (арабы) не приводит к созданию единого государства.

Таким образом, объективные критерии формирования нации (общность территории, этнические характеристики, общность языка и т. п.) носят условный характер. Наличие вышеуказанных признаков может привести к формированию нации, а может и нет. Э. Кедури отмечает, что «составные части формирования национализма... дезориентируют людей в достижении их целей и ведут к самообману» [22, р. 30]. Б. Шейфер видит в национализме «веру, которая не имеет реальной основы, которой придерживаются индивиды, пытаясь найти ответ на необъяснимое» [24, р. 313].

В основе формирования нации лежит коллективная воля, пассионарность социальных образований, это примат субъективного над объективным. Л. Биндер полагает, что «общность языка, менталитета... зависят от предварительного психоэмоционального принятия нации как основы политической общности». По его мнению, национализм это порыв, субъективное чувство, не имеющее рационального объяснения [18, р. 76].

Г. Кон и К. Силверт солидаризируются с выводом Л. Биндера, отмечая, «нация формируется решимостью создать нацию» [25, р. 101], в основе национализма «чувство, идея, эмоциональная установка» [21, р. 17]. Синтез воли и сознания лидера и социума – главные инструменты создания национальной идеологии формирования «государства-нации». Фундаментом национального единства выступают психологические, а не этнические и социально-экономические детерминанты. Абдалла аль-Алайили, характеризуя феномен арабизма, писал о том, что общность должна быть в сердце, поскольку вера более прочный фактор, нежели разум, «то, что утвердилось в сердце, формирует ум, тогда как обратная связь совершенно не обязательна» [23, р. 59]. К. Дейч и Э. Шилз видят фундамент национализма в самосознании, в материализованной системе образов [19, р. 173; 20, р. 390].

Анализируя источники формирования национализма, следует отметить, что значение имеют как объективные факторы (вторичные), так и субъективные (первичные), находящиеся во взаимозависимости.

1. Объективные: территория, язык, менталитет.
2. Субъективные: воля, сознание, пассионарность, харизма лидера.

Синтез этих факторов приводит к рождению нового качества социально-политической интеграции. Важны не только сами характеристики общности, а, по мнению Ю.В. Бромлея, функционирование этих характеристик, как разграничителей с другими нациями и этносами [3, 56–57].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алаев Л.Б. Рец. на монографию Володина А.Г. Буржуазная оппозиция в социально-политической структуре Индии. М., 1982.
2. Беленький А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1912–1942. М., 1978.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

4. Васильев Л.С. История Востока. Ч. 2. М., 1998.
5. Воронин С.А. Анвар Садат: Эволюция внешнеполитического курса в процессе решения ближневосточного конфликта. М., 1997.
6. Воронин С.А. Политическое лидерство на мусульманском Востоке во второй половине XX века (на примере внешнеполитических концепций А. Садата, Р. Хомейни, А. Акаева). М., 2000.
7. Ерасов Б.С. Цивилизации, универсалии и самобытность. М., 2002.
8. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под. ред. Воскресенского А.Д. М., 2008.
9. Лазарев М.С. К национальной ситуации на современном Востоке. Методологический подход // Национальные проблемы современного Востока, М., 1967.
10. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (1917–1945). М., 1979.
11. Ли В.Ф. Введение // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
12. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998.
13. Севортыан Н.Э. Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // Авторитаризм и демократия в “третьем мире”. М., 1991.
14. Ульяновский Р.А. О характере национализма в развивающихся странах Азии и Африки // Проблемы международной политики КПСС и мирового коммунистического движения. М., 1977.
15. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.? 1984.
16. Этингер Я.Я. Международные отношения в Африке. М., 1972.
17. Arab Nationalism. An Anthology. Berkley & L.-A., 1962.
18. Binder L. The Ideological Revolution in the Middle East. N.Y., 1964.
19. Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1967.
20. Shils E. Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago, 1975.
21. Expectant Peoples. Nationalism and Development. N.Y., 1967.
22. Nationalism in Asia and Africa. L., 1970.
23. Nuseibeh N.Z. The Ideas of Arab Nationalism. N.Y., 1959.
24. Shafer, 1972.
25. Kohn, 1955.